

Долматов Антон Алексеевич

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА И ОБЩЕСТВА СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются взаимоотношения православного духовенства Симбирской губернии с обществом в период установления советской власти и гражданской войны 1918-1920 гг. Раскрываются особенности выстраивания отношений духовенства с сельским и городским населением губернии, различными социальными группами. Автор пришел к выводу, что по мере укрепления советской власти в 1918-1920 гг. население все меньше поддерживало борьбу с Церковью.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2013/8/20.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (75). С. 66-69. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2013/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 94(470.42):322«19»

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются взаимоотношения православного духовенства Симбирской губернии с обществом в период установления советской власти и гражданской войны 1918-1920 гг. Раскрываются особенности выстраивания отношений духовенства с сельским и городским населением губернии, различными социальными группами. Автор пришел к выводу, что по мере укрепления советской власти в 1918-1920 гг. население все меньше поддерживало борьбу с Церковью.

Ключевые слова и фразы: Симбирская губерния; православное духовенство; церковно-общественные отношения; Октябрьская революция; гражданская война.

Долматов Антон Алексеевич

Ульяновский государственный университет

volgger@mail.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА И ОБЩЕСТВА СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ[©]

После Февральской революции 1917 г. православное духовенство испытало натиск революционных сил общества. Социальная борьба против духовенства выразилась в захватах церковной и монастырской земельной собственности, в изгнаниях священнослужителей из церковных приходов на фоне аграрных беспорядков. Движение крестьян, революционизированных солдат и в целом малосостоятельных слоев общества, безусловно, подготовило условия для новой революции. Следует отметить, что Октябрьская революция 1917 г. закрепила и углубила результаты социальной борьбы против духовенства.

После Октябрьской революции захваты собственности и расхищения имущества церквей и монастырей продолжались. Отдельные симбирские монастыри сообщали, что в ноябре-декабре 1917 г. сельскими жителями было разграблено имущество монастырских хуторов: сельскохозяйственные машины, орудия, хлеб, скот, постройки, либо сообщалось о разрушении всех деревянных построек [2, д. 67, л. 55; 3, д. 329, л. 2].

Дополняли сообщения духовенства о расхищении окрестными жителями собственности монастырей приговоры приходских обществ об отказе в выплате каких-либо денежных сборов в пользу епархии. Представители духовенства подчеркивали, что подобные приговоры стали массовым явлением на рубеже 1917-1918 гг. Так, например, благочинный шестого округа Карсунского уезда священник Александр Телемаков 10 января 1918 г. рапортовал в Симбирскую духовную консисторию о враждебном отношении прихожан округа к епархиальным сборам с церквей, называемым в народе церковным «оброком» [6, д. 20, л. 8].

Благочинный четвертого округа Сенгилеевского уезда протоиерей Сергей Петровский 24 января 1918 г. представил в консисторию целую серию приговоров и приходских протоколов, запрещающих церковным старостам выплачивать епархиальные сборы. Благочинный С. Петровский настойчиво рекомендовал на подобные постановления «большевистского характера» решительно отвечать епархиальному начальству, в противном случае вскоре никаких церковных сборов епархия совершенно не получит [Там же, л. 1-2]. Благочинный второго округа Ардатовского уезда священник Иаков Саблуков 9 марта 1918 сообщал алатырскому епископу Варсонофию, что взносы за вторую половину 1917 г. большинство церквей не уплатили [3, д. 142, л. 2].

Кризис в церковно-общественных отношениях отчетливо осознавался представителями Церкви. Благочинный И. Саблуков отмечал, что ни сами представители духовенства, ни специальные организации духовного сословия не в состоянии помочь защитить права духовенства и Церкви в условиях новой революции [Там же, л. 1 об. – 2]. Революционный процесс 1917-1918 гг. усилил среди представителей симбирского духовенства общее смятение. Нужно заметить, что смятение духовенства во многом связано с тем, что инициативы новой революционной власти нашли одобрение у населения. Особо обескураженным было сельское духовенство, так как национализация церковного землевладения, проведенная советской властью, встретила полную поддержку среди симбирского крестьянства, то есть среди тех самых прихожан, духовным окормлением которых занимались сельские пастыри.

Причиной жесточайшего кризиса, поразившего церковно-общественные отношения, по мнению духовенства, безусловно являлась Октябрьская революция, откровенная направленность которой против духовенства не вызвала сомнения у представителей Церкви. Протоиерей села Кивать Сенгилеевского уезда Ираклий Жемчужников в церковной летописи прихода, подытоживая 1917 г., писал, что много зла принесла в приходскую жизнь Октябрьская революция [4, д. 121, л. 65]. Священник Михаил Борисов в церковной летописи прихода села Соловчиха Сызранского уезда записал, также подводя итог 1917 г., что все церковные земли отобрали, и в стране идет полная разруха [Там же, д. 183, л. 24].

Тем не менее, следует подчеркнуть, что на развитие церковно-общественных отношений в период начавшегося установления советской власти определяющее значение оказал тот факт, что интересы широких

слоев крестьянства не вышли за пределы перераспределения земельной собственности. Добившись ликвидации церковного и монастырского землевладения и распределения национализированных земель весной 1918 г. в пользу сельских тружеников, крестьянство в целом не было мотивировано на продолжение социальной борьбы против духовенства.

Антицерковные мероприятия большевиков и их сторонников, после проведенной экспроприации церковной собственности, не вызвали массовой поддержки сельских жителей, наоборот, чем откровенно насильственное становились действия большевиков против духовенства, тем решительнее крестьянство стало выступать в защиту духовенства и Церкви. Крестьянами составлялись приговоры о запрещении антицерковных действий в отдельно взятых селах, что было сделано в 1918 г. жителями села Горюшки Сенгилеевского уезда [Там же, д. 154, л. 8-9]. Происходили случаи, когда в период гражданской войны селяне спасали от расстрела красноармейцами того или иного священнослужителя, поголовно заступаясь за него, как, например, в 1918 г. в упомянутом выше селе Кивать Сенгилеевского уезда [Там же, д. 121, л. 68].

Особую роль в защите духовенства и Церкви в сельской местности играли женщины. Женщины составляли большинство в абсолютном количестве сел и деревень, и их значение, как в хозяйственной, так и в общественной жизни в сельской местности, увеличивалось в период гражданской войны, вследствие мобилизации большого количества мужчин в противоборствующие вооруженные силы и убыли мужчин в результате военных действий.

Большевики-агитаторы отмечали религиозность крестьянок, что, в свою очередь, являлось преградой для проникновения антицерковной и антирелигиозной пропаганды в сельскую местность. Руководитель агитпоезда имени М. И. Калинина Зверев 23 июня 1919 г. в докладе Симбирскому уездному бюро РКП(б) о работе за время поездки по уезду отмечал, что религия в деревнях и селах сохраняется благодаря позиции крестьянок: «Религиозный вопрос в деревне, на который опираются антисоветские элементы, главным образом, гнездится среди крестьянок, а крестьяне же на религию смотрят спустя рукава» [1, д. 51, л. 18].

Представители духовенства также специально отмечали роль женщин в поддержании религиозной жизни в сельских обществах. Благочинный седьмого округа Сызранского уезда в отчете симбирскому архиепископу за 1920 г. писал: «Женский элемент – особенно надежная опора: в церкви женский пол, как и в прежние времена, можно видеть молящимся в большом количестве и с отменным усердием» [6, д. 219, л. 7 об. – 8]. Благочинный четвертого округа Курмышского уезда в отчете за 1920 г. также считал нужным особенно подчеркнуть религиозное усердие женщин [Там же, л. 16].

Следует таким образом признать, что разворот крестьянства к защите Церкви и духовенства в период гражданской войны не в последнюю очередь связан с усилением влияния женщин на жизнь сельского мира в целом. Со своей стороны, духовенство также отметило перемену в настроениях населения по отношению к духовенству и Церкви, особенно к концу гражданской войны, что подтверждалось записями в церковных летописях и в годовых отчетах благочинных. Так, благочинный третьего округа Сызранского уезда священник Дмитрий Богоявленский в отчете симбирскому архиепископу за 1920 г. писал: «Прежде всего народ одумавшись начал не охотно, а по принуждению посещать митинги (*т.е. антирелигиозные митинги.* – А. Д.). На митингах осмелился критиковать речи ораторов о Боге, о церкви и служителях ее, осмелился высказывать порицания ораторам и в случае слишком кощунственных выпадов демонстративно оставлять собрания» [Там же, л. 13 – 13 об.].

Благочинный Д. Богоявленский отметил, что в глазах населения авторитет духовенства повысился вследствие того, что служители Церкви наравне со всеми переносили все тяжести и страдания периода гражданской войны [Там же, л. 13 об.]. Благочинные третьего и седьмого округов Сызранского уезда в отчетах епархиальному руководству за 1920 г. подчеркивали, что иноверцы и старообрядцы с уважением стали относиться к представителям православного духовенства [Там же, л. 8, 11 об.], последние добровольно принимали участие в заготовке дров для церквей и членов причта [Там же, л. 8 об.].

Тем не менее, необходимо отметить, что во взаимоотношениях духовенства и населения непростым вопросом, где сталкивались интересы, было денежное и хлебное обеспечение духовенства со стороны населения. В период гражданской войны уровень благосостояния духовенства, особенно сельского, резко упал. Содержание от небольших сельских обществ было скудное. Попытки духовенства добиться приемлемого для себя обеспечения от местных обществ наталкивались иногда на плохо скрытое недовольство. Так, например, духовенство села Неклюдово Ардатовского уезда отмечало в 1919 г., что на неоднократные предложения обеспечить причт хлебом, дровами или же жалованьем прихожане им отвечали: «мы найдем дешевого попа из монахов или поставим своего Семена (полуграмотный мужик), и он будет служить – теперь “народное право”» [Там же, д. 98, л. 19].

В селе Напольное Алатырского уезда причт местной церкви демонстративно, с уведомлением сельского совета, прекратил с 28 августа 1919 г. исполнение всех богослужений, треб и обрядов, требуя решения вопросов, касающихся содержания церкви и причта, заведывания церковным имуществом, найма сторожей [Там же, д. 115, л. 3 об. – 4]. Причт предложил свои ставки за требы и обряды, показавшиеся местному обществу завышенными. Взаимоприемлемое решение всех поставленных вопросов не было найдено, так как на уступки, очевидно, никто не пошел. В итоге граждане села на общем собрании 12 октября 1919 г. и церковный совет села в тот же день постановили уволить священника Василия Остроумова и псаломщика Сергия Сагацкого из прихода села Напольное по причине высоких ставок за требы, о чем в свою очередь был уведомлен благочинный четвертого округа Алатырского уезда [Там же, л. 3].

Вопрос материального обеспечения духовенства зависел от воли большинства в местных приходских обществах, однако на итоговое решение оказывали влияние и местные группы большевиков и их сторонников, ставшие новой реальностью в церковно-приходской жизни. Следует заметить, что в Симбирской губернии,

после окончательного установления советской власти в регионе, активно основывались партийные ячейки большевиков, особенно в сельской местности, где позиции большевиков были наиболее слабыми. Сельские коммунисты стали новым политическим и социальным явлением в местных крестьянских обществах. Духовенству приходилось выстраивать отношения с селянами-коммунистами, так как многие из них продолжали посещать церковь и участвовали в приходских собраниях. Так, например, благочинный первого округа Буинского уезда в отчете симбирскому архиепископу за 1920 г. писал, что практически в каждом селе есть записанные в партийную ячейку большевиков, но они не составляют большинства. «Встают в ряды коммунизма лица и прежде не отличавшиеся своею религиозностью и записываются они исключительно не по своим религиозным убеждениям, а по каким то материальным расчетам. Сколько же их в округе – весьма трудно сказать, потому что они все почти ходят в храм и со своими религиозными нуждами обращаются к своим пастырям» – писал благочинный первого округа Буинского уезда [Там же, д. 219, л. 4].

Особенно тревожила духовенство увлеченность молодежи коммунистическими идеями, не потерявшими для нее свою привлекательность даже в условиях потрясений и бедствий гражданской войны, что признавалось благочинными седьмого округа Сызранского уезда, четвертого округа Курмышского уезда и первого округа Сенгилеевского уезда в отчетах епархиальному руководству за 1920 г. [Там же, л. 8, 16, 19 об.].

Следует отметить, что влияние сельских коммунистов на церковно-общественные отношения в период гражданской войны не всегда можно было однозначно оценить. С одной стороны, в период гражданской войны происходили случаи доносов сельских коммунистов на местных священнослужителей, заканчивавшихся репрессиями для представителей Церкви. С другой стороны, в конце гражданской войны, как отмечалось губернскими властями, органы сельской власти, куда входило немало коммунистов, в ряде случаев старались даже поспособствовать осуществлению церковной деятельности. Отдел управления Симбирского губернского исполнительного комитета 28 сентября 1920 г. отмечал, что некоторые сельские советы выплачивали жалованье церковным сторожам из местных средств, разрешали вопросы о ремонте церквей, о приобретении церковных принадлежностей, выдавали удостоверения церковным служителям [5, д. 2, л. 29]. Перечисленные действия сельских властей по отношению к Церкви и духовенству вызывали острую критику со стороны губернских органов советской власти.

Городское население Симбирской губернии, так же как и сельское, стало заметно более решительно действовать в защиту церквей, особенно к концу гражданской войны. Когда 22 декабря 1920 г. Симбирский губернский исполнительный комитет постановил ликвидировать Покровский мужской монастырь в Симбирске для организации врачебно-питательного пункта на его месте [Там же, д. 1, л. 74], активное, но немногочисленное население города потребовало от губернского исполкома сохранить для церковных служб монастырский Благовещенский храм [Там же, л. 81]. Под заявлением от 28 декабря 1920 г. о необходимости сохранения храма Покровского монастыря подписалось 134 человека. Кроме того, в губернский исполком было направлено заявление от 92 граждан слободы Туть – одного из районов Симбирска – с просьбой не упразднить монастырский храм [Там же, л. 82]. Ходатайства горожан помогли сохранить Благовещенский храм, в котором проходили церковные службы вплоть до начала 1930-х гг.

На первый взгляд может показаться, что для губернского центра активных защитников церквей оказалось не так много, по крайней мере тех, кто подписался под ходатайствами, однако немногочисленность компенсировалась в некоторых случаях крайней решимостью в деле защиты церквей. В докладе к коллективу организации РКП(б) при станции Симбирск первой Московско-Казанской железной дороги отмечалось, что 31 мая 1920 г. при попытке вывоза предметов религиозного культа из домово́й церкви при бывшей духовной богадельне слободы Туть города Симбирска, где должен был вскоре расположиться клуб железнодорожников, граждане, сагитированные, как указывалось в докладе, бывшими купцами, торговцами, извозчиками и спекулянтами, выносить что-либо из церкви не дали [Там же, л. 180]. В докладе говорилось, что представителю городского Совета и партийной организации симбирских железнодорожников было заявлено собравшимися гражданами: «...бить Вас надо, церкви брать не дадим» [Там же]. «При наличии священника, который был назначен на выноску (*т.е. на вывоз церковного имущества – А. Д.*), был составлен приговор об оставлении церкви на месте. А также при участии граждан, неблагоприятно относящихся к коммунистическим идеям и строю, сыпались оскорбления Советской Власти, а также и отдельным коммунистам» [Там же]. Очевидно, что волна закрытий церквей, прошедшая в Симбирске в период гражданской войны, вызвала неодобрение горожан, и то, что небольшая часть граждан выступили в защиту Церкви и оказали сопротивление решению городской власти, скорее всего, свидетельствовало о том, что защитники церквей чувствовали за собой общественную поддержку.

В среде рабочего класса, представленного как в городах, так и в уездах, также поддерживались связи с Церковью и духовенством, по крайней мере, архивные данные не дают основания считать симбирских рабочих антирелигиозно настроенной социальной группой в период гражданской войны. Так, рабочие механической фабрики обуви в городе Симбирске, находившейся в ведении Совета народного хозяйства и работавшей исключительно на нужды Красной армии [Там же, д. 4, л. 1], заключили 29 октября 1919 г. договор с Симбирским городским Советом рабочих и крестьянских депутатов о принятии в бессрочное и бесплатное пользование храма во имя Георгия Победоносца – бывшего храма 164 Закатальского пехотного полка, со всей находившейся в нем богослужебной утварью [Там же, л. 3].

Рабочие и служащие Симбирского государственного цементного завода в Сенгилеевском уезде 8 июня 1920 г. ходатайствовали перед Симбирским городским Советом о снабжении принадлежащей заводу церкви

богослужебной утварью, ризницей из упраздненных храмов Симбирска [Там же, д. 1, л. 273]. Просьба объяснялась тем, что переданная цементному заводу по постановлению Сенгилеевского Совета от 3 марта 1918 г. походная полотняная церковь бывшего 165 запасного пехотного полка к 1920 г. пришла в ветхость. В ходатайстве также отмечалось, что к церковному приходу цементного завода относился и государственный химический завод [Там же, л. 275]. Таким образом, приход цементного завода в Сенгилеевском уезде обслуживал религиозные потребности рабочих и служащих двух заводов губернии.

Таким образом, осветив особенности взаимоотношений симбирского православного духовенства с разными социальными группами в 1918-1920 гг., следует отметить, что, в целом, для данного периода не характерен высокий накал социальной борьбы, отмеченный в церковно-общественных отношениях 1917 г. – начала 1918 г. Причина острой социальной борьбы против духовенства – наличие монастырского и церковного землевладения – была нивелирована весной 1918 г. вследствие распределения национализированных земельных владений.

Несмотря на то, что трения в отношениях общества и духовенства сохранялись из-за вопроса уровня материального обеспечения причтов местными обществами, увеличилась общественная поддержка защиты церквей. Значимую роль, признаваемую как большевиками, так и духовенством, в деле защиты церквей и в целом религии в период гражданской войны сыграли сельские женщины. Тем не менее, отмечался и рост сторонников коммунизма, в селах и деревнях продолжавших оказывать влияние на жизнь приходов, что вынуждены были учитывать представители духовенства.

Список литературы

1. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО). Ф. 6133. Оп. 1.
2. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 134. Оп. 1.
3. ГАУО. Ф. 134. Оп. 9.
4. ГАУО. Ф. 134. Оп. 13.
5. ГАУО. Ф. Р-134. Оп. 1.
6. ГАУО. Ф. Р-3022. Оп. 1.

УДК 329.052

Политология

Статья раскрывает основные принципы построения и формирования оппозиции в современной России. В ней проанализированы объективные и субъективные факторы, препятствующие участию населения в политической жизни, а с помощью социологического исследования показана степень развитости российского общества и его готовности к следующему эволюционному шагу в политической сфере. Особое внимание автор уделяет изменениям законодательства в области либерализации требований по созданию и функционированию политических партий, которые способствуют определению местоположения данного института в современной российской политической жизни.

Ключевые слова и фразы: политическая оппозиция; принципы формирования российской оппозиции; политические партии; политическое участие.

Евстигнеева Александра Викторовна

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
evstigneevaav@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ОППОЗИЦИИ[©]

В период перестройки в Советском Союзе начинают возникать многочисленные политические партии, часть из которых оказывается во властных структурах, другие же формируются в оппозиционные блоки. Так, к концу 80-х годов XX века российская политическая система становится многопартийной в связи с формированием оппозиционных партий.

Появление политических партий в указанный период является результатом демократизации страны, а также проведения конкурентных выборов на федеральном, региональном и местном уровнях.

К числу «первенцев» можно отнести партию «Демократический союз», председателем которой стала Валерия Новодворская. Состав партии был сформирован из группы бывших диссидентов. Программа «Демократического союза» отличалась радикализмом и призывала к трансформации государственного строя Советского Союза, а также упразднению КГБ и правосудию над его лидерами.